

ЕЛЕНА ФЕДОРОВНА СИНЕЛЬНИКОВА

кандидат исторических наук,
ученый секретарь Санкт-Петербургского филиала
Института истории естествознания и техники
им. С. И. Вавилова РАН,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: sinelnikova-elena@yandex.ru



УДК: 94(47)+061.22

DOI: 10.24411/2079-0910-2020-12009

Международная деятельность научных обществ в 1920-е гг.

После Октябрьской революции главной целью внешней политики Советского правительства было преодоление дипломатической изоляции, для достижения которой использовались различные инструменты. Большое значение придавалось научной дипломатии, причем особое место в ней занимала международная деятельность научных обществ. Советское правительство способствовало восстановлению и развитию дореволюционных международных связей российских научных обществ, а также созданию новых. С опорой на архивные источники, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, в настоящей статье рассматривается международная деятельность научных обществ в 1920-е гг. В равной мере анализируются и основные практики советской научной дипломатии, в частности, различные формы международного сотрудничества, такие как обмен изданиями, расширение членства иностранных ученых в национальных научных обществах и командировки советских ученых за рубеж для участия в международных научных конференциях и посещения музеев, архивов и библиотек. Научные общества на протяжении 1920-х гг. активно пытались выполнить геополитическую миссию, возложенную на них советским государством, и работали, в том числе, и для защиты национальных интересов на международном уровне по спорным вопросам. Однако в начале 1930-х гг. под влиянием политических изменений в СССР и в мире страна снова оказалась в дипломатической изоляции, и международные научные контакты были приостановлены.

Ключевые слова: научные общества, наука и власть, общественные организации, Академия наук, история советской внешней политики, научная дипломатия, Наркомпрос, Наркоминдел.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 18-39-20006.

Введение

Октябрьская революция 1917 г. привела к радикальному повороту во внешней политике России. Страны Антанты разорвали с ней дипломатические отношения, отказавшись признать советское правительство легитимным. К декабрю 1918 г. Советское государство оказалась в полной международной изоляции.

В начале 1920-х гг., после окончания Гражданской войны, одной из задач большевистского правительства стала нормализация отношений с иностранными дер-

жавами. Во главе советской внешней политики и дипломатии находился Народный комиссариат иностранных дел (Наркоминдел), в обязанности которого входили установление и поддержание каналов международной торговли и участие в международных конференциях. Ряд исследователей изучали историю советской внешней политики и дипломатии [Ulam, 1968; Jelavich, 1974; Советская внешняя политика в ретроспективе, 1993; Kennedy-Pipe, 1998], в частности, ее ранний период [Блинов, 1973; Uldricks, 1979; Jacobson, 1993; Salzmann, 2003; Velikanova, 2013; Carley, 2014].

Для внешнеполитических целей большевиками использовались различные инструменты. В частности, в первое десятилетие советской государственности важной составляющей внешней политики стала научная дипломатия. К сожалению, только в нескольких работах рассматривались вопросы советской/российской научной дипломатии [Исмаилов, Базарбаев, 2012; Ибрагимова, Баранов, 2018; Панченко, Торкунов, 2018]. Также немного трудов посвящено международным связям в области науки, техники и культуры и их значению для успешной советской внешней политики [Krementsov, 2005; Solomon, 2006]. Особого внимания в этом отношении заслуживает обобщающая работа историка дипломатии А. Е. Иоффе [Иоффе, 1975], которая, однако, не лишена чрезмерно идеологических интерпретаций. Тем не менее, несмотря на то, что в развитие научной дипломатии были вовлечены различные виды научных организаций и учреждений, не всем из них в вышеупомянутых исследованиях было уделено внимание.

Учитывая актуальность изучения различных форм и уровней научной дипломатии, проблема международной деятельности научных обществ в 1920-е гг. представляется заслуживающей специального изучения. Особенно принимая в расчет, что в условиях сложной международной ситуации особую важность приобретали личные контакты в науке, поддержание и развитие которых могло осуществляться наиболее эффективно с помощью национальных научных обществ — традиционной формы организации науки в России.

Научные общества и их международные контакты до Октябрьской революции и в первые годы советской власти

Дореволюционная система организации науки включала Академию наук, университеты, лаборатории при правительственных департаментах и промышленных предприятиях, различные ученые комитеты и комиссии, а также систему научных обществ. Последние были важны для академического сообщества как платформа для представления новой научной информации и укрепления профессиональных связей.

Научные общества имели широкие контакты с независимыми исследователями и научными учреждениями и организациями за границей. Члены научных обществ участвовали в различных международных конференциях, конгрессах и симпозиумах. Кроме того, научные общества зачастую публиковали свои журналы на иностранных языках, преимущественно на французском и немецком.

К сожалению, Первая мировая война разрушила заграничные российские научные связи. Общества были вынуждены сосредоточиться на деятельности внутри страны, внося вклад в модернизацию экономики, промышленности и сельского хозяйства [см. подробнее: Тутанова, 2016, р. 107–125; Колчинский, 2019, с. 236–277].

После Февральской революции научные общества быстро признали новую власть и даже сумели получить гарантии финансирования своей работы от Временного правительства. Но короткая «демократическая весна» 1917 г. закончилась после Октябрьской революции. Научные общества должны были установить отношения с новой советской властью, что им удалось осуществить, и некоторые из них стали регулярно получать финансовую и другую поддержку от правительства.

Годы Гражданской войны и иностранной интервенции были крайне неблагоприятными для развития международных научных, технических и культурных связей. Российские ученые страдали от нехватки новых иностранных книг и журналов и невозможности публиковать результаты своих собственных исследований в других странах. В письме в Научный отдел Наркомата просвещения (Наркомпроса) от 7 марта 1919 г. руководители Российской академии наук отмечали, что «российская наука испытывает чрезвычайные трудности в своей работе из-за того, что с лета 1914 г. разорваны связи с западной наукой»¹. Различные научные учреждения и организации стали обращаться в Главное управление научных, научно-художественных и музейных учреждений (Главнаука) с просьбами об организации зарубежных научных поездок². Первые длительные командировки ученых за границу были осуществлены главным образом для приобретения книг и оборудования от имени правительства. В целом за 1918–1920 гг., например, только Академия наук отправила за границу 32 ученых, в том числе 6 академиков [Иоффе, 1975, с. 47].

Первые успехи советской дипломатии и заграничные научные командировки

После окончания Гражданской войны советское правительство было нацелено на нормализацию международных отношений. Первым успехом советской дипломатии стало экономическое соглашение, подписанное в 1921 г. с Великобританией, что открыло путь для развития дипломатических отношений с другими странами. В 1922–1923 гг. Советская Россия также принимала участие в четырех международных конференциях в Генуе, Гааге, Москве и Лозанне. В 1924–1925 гг. Советскому Союзу удалось установить новые дипломатические отношения с группой стран (Австрией, Албанией, Грецией, Данией, Италией, Мексикой, Японией и др.). Однако важно было не только добиться дипломатического признания, но и вернуться на международную научную арену, используя науку как еще один из инструментов внешней политики.

Научные общества играли заметную роль в организации международного сотрудничества. Их деятельность активно развивалась в различных формах, которые соответствовали внешнеполитическим задачам страны. Наиболее важной из них с политической и идеологической точек зрения было участие членов научных обществ в конференциях, конгрессах и юбилейных торжествах за рубежом.

¹ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 2. Оп. 1-1919. Д. 12. Л. 113.

² Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 2555. Оп. 1. Д. 140; СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 167. Л. 163.

С 1922 г. все заявки на научные командировки за границу рассматривались на заседаниях Комиссии по научным заграничным поездкам при Специальном временном комитете по науке при Совете Народных Комиссаров. Комиссию возглавлял заместитель Народного комиссара по просвещению³. На заседаниях комиссии рассматривались личные заявления ученых, однако подавать их можно было только через научные организации. Тем не менее в 1922–1923 гг. окончательно вопрос о выезде за границу решала Всероссийская чрезвычайная комиссия⁴. С 1924 г. Секретная комиссия по выезду за границу, входившая в состав ЦК партии и состоящая из представителей ЦК партии, Центральной контрольной комиссии и отдела иностранных дел Объединенного государственного политического управления (ОГПУ), начала играть решающую роль в решении вопросов о заграничных командировках⁵.

Нельзя забывать и о финансовых трудностях, с которыми были сопряжены поездки за рубеж в начале 1920-х гг. Необходима была валюта, обеспечить необходимое количество которой из-за гиперинфляции, вызванной Гражданской войной и политикой военного коммунизма, было очень сложно. В результате деноминации советский рубль приобрел ценность в 1924 г., а советские червонцы стали официально котироваться на биржах нескольких стран (включая Австрию, Турцию, Италию, Китай, Эстонию, Латвию и Литву) только с 1925 г.

Возвращение российских научных обществ на международную арену

Несмотря на все трудности, советские ученые — члены научных обществ смогли принять участие в некоторых научных мероприятиях за рубежом в первой половине 1920-х гг. Это позволило поддерживать и развивать отношения со странами, с которыми уже были установлены дипломатические связи. Например, в 1923 г. Русское техническое общество получило приглашение отпраздновать 75-летие основания Французского общества гражданских инженеров в Париже, с которым обменивались изданиями. Осуществление этой поездки поддержал Академический центр в Петрограде⁶. Ленинградское общество естествоиспытателей обратилось в Ленинградское отделение Главнауки (ЛОГ) с просьбой оказать помощь в организации поездки действительного члена общества Б. Н. Шванвича в Британский музей естествознания для изучения цветковых узоров бабочек⁷.

Русское географическое общество (РГО) было самым активным из всех научных обществ в международном научном сотрудничестве в первой половине 1920-х гг. В 1923 г. Ю. М. Шокальский посетил Международный метеорологический конгресс в Утрехте [Report of the International Meteorological Conference, 1924] и Международный статистический конгресс в Брюсселе. Он также участвовал в Первом съезде славянских географов и этнографов, состоявшемся в Праге в июне 1924 г. На этом конгрессе присутствовали и другие советские ученые: географ С. Л. Руд-

³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 3446. Оп. 37. Д. 7. Л. 277.

⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 85. Д. 650. Л. 130.

⁵ Там же. Оп. 113. Д. 68. Л. 134.

⁶ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 540. Л. 19.

⁷ Там же. Д. 719. Л. 35.

ницкий (1877–1937), действительный член Научного общества им. Т. Шевченко, и директор Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), известный этнограф, академик Е. Ф. Карский (1861–1931), который был избран в РГО в 1926 г. Карский председательствовал на съезде в первый день и сделал отчет о достижениях этнографических исследований в России в 1915–1924 гг. Следует отметить, что СССР не имел дипломатических отношений с Нидерландами, Бельгией и Чехословакией, и научные связи через РГО были действительно полезны для создания положительного имиджа Советской России, и не только в этих странах.

РГО получило приглашение на Конгресс Международного союза геодезии и геофизики, состоявшийся в Мадриде в октябре 1924 г. Представителем общества на этом мероприятии выступил Ю. М. Шокальский⁸. Важным на этом конгрессе являлось принятие единой стандартной фигуры Земли для будущего использования во всех исследованиях [Hinks, 1944, p. 234].

Кроме того, в марте 1924 г. РГО было приглашено на Международный географический конгресс в Каире 1–5 апреля 1925 г. [Geographical Congress at Cairo, 1925, p. 227–230; The International Geographical Congress at Cairo, 1925, p. 158–160]. Конгресс стал первой международной встречей географов после окончания Первой мировой войны. Обращаясь к Главнауке за поддержкой, РГО отметило важность участия 12–15 его членов в конгрессе, поскольку они «станут не только представителями [Географического] общества, но и Советского Союза»⁹. ЛОГ выразило полную поддержку представителям общества на конгрессе в Каире и выделило для осуществления этой поездки достаточно средств¹⁰.

Действительно, Каирский конгресс был очень важен для советского правительства, т. к. многие вопросы, имеющие существенное геополитическое значение, были решены именно на его заседаниях. В частности, проблема переименования географических объектов. Дело в том, что еще в 1923 г. РГО опротестовало предложение Лондонского географического общества удалить все европейские топонимы в Центральной Азии, в том числе связанные с русскими исследователями. Протест, поддержанный Народным комиссариатом внутренних дел (НКВД) и Наркоминделом, был направлен в Лондонское географическое общество и ряд других географических организаций в США, Франции, Дании и Италии. Именно эти вопросы, помимо прочего, обсуждались на Каирском конгрессе 1925 г. Кроме того, решался вопрос и о норвежских переименованиях на карте Новой Земли, относительно которых также протестовало РГО¹¹. Инициативы Географического общества имели большое политическое и идеологическое значение, и это один из примеров участия научных обществ в международных делах страны. РГО активно пыталось выполнить геополитическую миссию, возложенную на него советским государством, и работало на защиту национальных интересов на международном уровне, особенно в спорных ситуациях.

В 1924 г. еще одним геополитическим вопросом, поднятым РГО, стало установление контроля над полярными территориями. Подготовленный обществом специальный доклад для наркома иностранных дел Г. В. Чичерина был посвящен острову

⁸ Там же. Д. 717. Л. 33, 40.

⁹ Там же. Л. 26 об.

¹⁰ Там же. Л. 27.

¹¹ Там же. Д. 625. Л. 136.

Врангеля в Северном Ледовитом океане¹². В докладе подчеркивалась значимость этого региона, и сообщалось, что начиная с 1921 г. США и Канада уже пытались колонизировать остров. В результате была отправлена советская экспедиция во главе с действительным членом Географического общества, гидрографом Б. В. Давыдовым. Остров Врангеля вошел в состав Советского государства к концу 1924 г., а в 1926 г. на острове была создана первая полярная исследовательская станция под руководством Г. А. Ушакова.

В целом с помощью Наркомпроса в 1922–1924 гг. было организовано 308 научных командировок за границу. Очевидно, что советское правительство рассматривало поездки советских ученых за границу и приглашения иностранных ученых в большевистскую Россию как важные аспекты дипломатии, которые повышали его престиж на международной арене [Александров, 1996, с. 15]. Например, в 1924 г. профессор географии в Ганновере Эрих Обст обратился к РГО за помощью в организации его научного путешествия по СССР. Эта поездка продолжалась с конца лета до конца осени 1924 г. Профессор Обст посетил Москву, Ленинград, Архангельск, Мурманск, Кавказ, Поволжье и Каспийское море. Результатом его поездки стала книга, вызвавшая большой интерес международного научного сообщества [Obst, 1925].

Обмен публикациями как основная форма международной деятельности научных обществ

В 1923 г. правительство приняло постановление о предоставлении права на свободный и беспрошленный обмен изданиями с зарубежными научными организациями и высшими учебными заведениями, научными обществами и исследовательскими институтами¹³. Научные общества встретили это распоряжение с энтузиазмом. Российское физико-химическое общество подчеркнуло, что «получение указанных прав и льгот является для русских химиков и физиков жизненным вопросом»¹⁴. В свою очередь, Русское энтомологическое общество (РЭО) отмечало: «Весьма отрядным явлением в жизни общества были начавшиеся сношения и обмен изданиями с заграничными обществами и отдельными специалистами»¹⁵. В то же время Русское минералогическое общество (РМО) сообщало об «оживившихся сношениях с заграницей, принесших и продолжающих приносить все расширяющийся поток иностранной научной литературы»¹⁶.

Как правило, обмен книгами проходил через Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС), через Бюро книжного обмена при Академии наук и через объединенное Бюро информации, специально для этого созданное при ЦИК СССР. В мае 1924 г. Бюро информации направило в научные общества анкеты с вопросами, касающимися их международных контактов. В частности, бюро интересо-

¹² Там же. Л. 82.

¹³ Собрание узаконения и распоряжения рабочего и крестьянского правительства РСФСР (СУ РСФСР). 1923. № 1. Ст. 67.

¹⁴ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 632. Л. 20 об.

¹⁵ Там же. Д. 595. Л. 43.

¹⁶ Там же. Л. 131 об.

вало, «с какими странами, научными и общественными организациями за границей Вы уже установили связь, и в чем она выражается», «с какими органами печати за границей Вы связаны в данный момент»¹⁷ и т. п. Предполагалось, что укрепление таких контактов будет способствовать внешним связям с теми странами, в которых заинтересовано советское правительство.

Научные общества активно обменивались своими изданиями. Так, РМО, например, в 1923 г. обменивалось изданиями с 200 зарубежными исследовательскими организациями и высшими учебными заведениями¹⁸. Общество любителей древней письменности и искусства отправляло свои публикации в Нью-Йоркскую публичную библиотеку и Институт славянских исследований в Париже в академическом 1923/24 г.¹⁹ РЭО до революции обменивалось книгами со 190 зарубежными научными организациями, а в середине 1920-х гг. отправляло свои издания в Румынию, Болгарию, в 12 учреждений Австрии, Чехословакии и Югославии, а также в 5 испанских организаций, в 3 учреждения в Японии, в 11 в Северной и в 4 в Южной Америке и еще в 4 организации в Африке²⁰. Российское физико-химическое общество отправляло свой журнал в Великобританию, Францию, США, Италию и другие страны²¹.

Зачастую научная дипломатия опережала традиционную дипломатию. Так, 3 апреля 1924 г. Дипломатическое полномочное представительство Китайской республики при СССР в Москве через М. П. Кристи обратилось к Академии наук, Геологическому комитету, Обществу натуралистов, РГО, РМО, Палеонтологическому обществу с просьбой «производить периодический обмен своими изданиями с Китайским геологическим управлением»²². Упомянутые ленинградские научные общества и учреждения ответили согласием²³. Обмен производился путем отправки из Ленинграда в Москву, на адрес Дипломатического представительства. Китайское геологическое управление в ответ направляло свои издания непосредственно в советские научные организации и учреждения²⁴. Тем не менее, официальные дипломатические отношения с Китайской республикой были установлены только 31 мая 1924 г.

В целом международная научная коммуникация во второй половине 1920-х гг. была довольно успешной. Обмен книгами, в котором участвовали новые научные организации и ученые за рубежом, был активизирован, поскольку правительство упростило эту процедуру. В соответствии с приказом Наркомпроса от 2 февраля 1926 г. научным учреждениям, научно-исследовательским институтам, университетам и обществам было предоставлено право «отправлять за границу личные тру-

¹⁷ Там же. Д. 722. Л. 8; Д. 727. Л. 3.

¹⁸ Там же. Д. 630. Л. 43.

¹⁹ Там же. Д. 178. Л. 28 об.

²⁰ Там же. Д. 796. Л. 6 об.

²¹ Там же. Ф. 2556. Оп. 3. Д. 92. Л. 14.

²² Там же. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 676. Л. 52.

²³ Там же. Д. 625. Л. 36; Д. 719. Л. 18; Д. 722. Л. 6; Д. 723. Л. 7.

²⁴ Там же. Д. 676. Л. 51, 52.

ды своих сотрудников, как рукописные, так и печатные, без всяких удостоверений Главнауки»²⁵.

География распространения публикаций впечатляет. Например, в 1926 г. РЭО направило свой журнал в 68 учреждений и организаций, расположенных в Великобритании, Франции, Италии, Испании, Австрии, Чехословакии, Венгрии, Японии, Бразилии, Австралии, Южной Африке, Болгарии, Румынии, Бельгии, Нидерландах, Швейцарии, Люксембурге, Египте, Уругвае, Аргентине, Чили, Мексике, Индии, Цейлоне, Канаде и Новой Зеландии. Следует особо отметить, что СССР не имел дипломатических отношений с большинством этих стран²⁶.

В 1927 г. Ленинградское физико-математическое общество представляло свои публикации 147 иностранным корреспондентам (профессорам из Германии, Дании, Польши и США), в него же поступали книги из Мюнхена, Берлина, Лейпцига, Копенгагена, Кракова, Варшавы, Парижа, Тулузы, Болоньи и Рима²⁷.

В это же время РГО обменивалось с 101 учреждением за рубежом. Оно отправило 860 экземпляров своих публикаций и получило 3500 экземпляров из-за рубежа²⁸. Напротив, РМО подчеркнуло, что с его стороны «обмен возобновлен в полной мере, даже несколько в более широком объеме, чем до войны», но «поступление изданий иностранных научных организаций все еще идет довольно слабо, причем особенно слабо поступление книг из Франции и Англии, и гораздо более удовлетворительно оно идет из Америки, Германии и Британских колоний и доминионов»²⁹.

В 1928 г. Ленинградское общество исследователей культуры финно-угорских народностей отправляло свои публикации в Финляндию, Швецию и Чехословакию. В 1929 г. оно получило публикации из Эстонского национального музея в Тарту, из Венгерского этнографического общества в Будапеште и из Нью-Йоркской публичной библиотеки³⁰. В том же году Ленинградское общество естествоиспытателей получило 592 тома из-за рубежа в обмен на 620 публикаций для 505 корреспондентов за рубежом³¹.

Таким образом, публикации российских научных обществ распространялись по всем континентам.

²⁵ Там же. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 977. Л. 20.

²⁶ Официальные дипломатические отношения Советского Союза с Испанией были установлены в 1933 г., с Чехословакией в 1934 г., с Венгрией в 1934 г., с Бразилией в 1945 г., с Австралией в 1942 г., с Болгарией в 1934 г., с Румынией в 1934 г., с Бельгией в 1935 г., с Голландией в 1942 г., со Швейцарией в 1946 г., с Люксембургом в 1935 г., с Египтом в 1943 г., с Аргентиной в 1946 г., с Чили в 1944 г., с Индией в 1947 г., с Цейлоном в 1956 г., с Канадой в 1942 г. и с Новой Зеландией в 1944 г.; никогда с Южной Африкой.

²⁷ ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 3. Д. 11. Л. 5–6.

²⁸ Там же. Д. 3. Л. 33.

²⁹ Там же. Д. 7. Л. 2 об.

³⁰ Там же. Д. 54. Л. 5 об.; Д. 92. Л. 16.

³¹ Там же. Д. 93. Л. 251.

Члены научных обществ на международных научных мероприятиях во второй половине 1920-х гг.

Новая экономическая политика привела к экономическому и финансовому оздоровлению, что способствовало расширению международных научных связей советской науки. Проведенное в 1925 г. широкое празднование 200-летнего юбилея Академии наук позволило укрепить позиции страны на мировой арене и способствовало преодолению политической и культурной изоляции. СССР открыл свои двери для мирового научного сообщества, предоставив возможность целым делегациям, а также отдельным ученым посетить страну и самим оценить состояние российской науки и перспективы сотрудничества [Solomon, 2006, p. 85].

Кроме того, советские ученые после 1925 г. стали чаще выезжать за границу в научных целях, но в то же время им приходилось проходить сложные бюрократические процедуры для их представления. В ноябре 1926 г. Наркомпрос выпустил специальный циркуляр «О порядке получения научных командировок за границу», в соответствии с которым можно было совершать поездки «для ведения или окончания научных работ и усовершенствования по специальности, в случаях, когда использованы все возможности научной работы и усовершенствования в научно-исследовательских учреждениях и ВУЗах СССР». При этом, как говорится в циркуляре, «командировки для ознакомления с состоянием той или иной области наук за границей и установления научных связей представляются лишь в исключительных случаях»³².

В частности, научные общества, намеревающиеся отправить кого-то из своих членов за границу в 1926/1927 академическом году, должны были подавать мотивированную заявку в Комиссию по научным заграничным командировкам с заполненной специальной анкетой на каждого ученого, причем не позднее 15 декабря³³. Заявки могли подаваться и непосредственно учеными, но «с обязательным заключением» организации в соответствующей графе анкеты. В любом случае заявки, полученные после установленного срока, комиссией не рассматривались, за исключением заявок на участие в международных конференциях и конгрессов за границей³⁴.

Интересно взглянуть на содержание анкеты, которую нужно было заполнять. Она состояла из девяти вопросов: 1) полное имя ученого, 2) занимаемая должность и специализация, 3) название организации, запрашивающей поездку, 4) месячный оклад ученого, 5) кто будет оплачивать командировку (Наркомпрос, другое государственное ведомство, сам ученый), 6) срок командировки и даты поездки, 7) впервые ли ученый отправляется за границу (если нет, когда он последний раз ездил за границу), 8) цель командировки, план и содержание предполагаемых работ за границей, 8) место назначения поездки (государство, город и учреждение)³⁵.

Путешествие могло быть предпринято либо за счет государства, либо за счет самих ученых. Независимо от источника финансирования все заявки проходили строгую процедуру отбора. Кроме того, число возможных заявок было ограничено:

³² ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 1044. Л. 92.

³³ Там же.

³⁴ Там же. Л. 92 об.

³⁵ Там же. Л. 93 об.—94.

не более 3–4 в год³⁶, причем половина всех заявок должна была относиться к командировкам молодых ученых³⁷. Советская власть, с идеологической точки зрения, считала их более надежными в отличие от так называемых «спецов».

В последующие годы изменились некоторые условия рассмотрения заявок на зарубежные научные командировки. В мае 1927 г. Совет народных комиссаров издал постановление «О регулировании зарубежных командировок», согласно которому научные поездки на международные конгрессы и конференции допускались только при одобрении Наркоминдела³⁸. 21 июля 1927 г. Совет народных комиссаров утвердил «Положение о Комиссии по научным зарубежным командировкам»³⁹. Комиссия входила в состав Наркомпроса и состояла из семи членов: трое из Наркомпроса (заместитель наркома просвещения, заведующий Главнауки или его заместитель, заведующий Главным комитетом профессионально-технического образования или его заместитель), один член комиссии от Народного комиссариата здравоохранения, один от Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ), один от Народного комиссариата финансов, один от Народного комиссариата земледелия. Как и прежде, возглавил комиссию заместитель наркома просвещения. Ближе к концу 1920-х гг., параллельно со становлением тоталитарного режима в СССР, в 1929 г. было принято постановление ВЦИК СССР, в котором говорилось, что ученые могут принимать участие в научных конференциях и конгрессах за рубежом только с разрешения Совета Народных Комиссаров СССР⁴⁰. Кроме того, сокращение поездок объяснялось жесткой экономией валютных резервов страны, поскольку больших валютных вложений требовала индустриализация, в первую очередь, для покупки иностранного промышленного оборудования. Финансировались только самые приоритетные области науки и поездки в те страны, в установлении и развитии дипломатических контактов с которыми было заинтересовано правительство.

РГО оставалось самым активным в развитии международных контактов. Так, в 1926 г. секретарь РГО, известный ботаник, географ и академик В. Л. Комаров (1869–1945), участвовал в третьем Пан-Тихоокеанском научном конгрессе в качестве главы советской делегации, состоящей из десяти ученых [Агафонов, 1995, с. 185]. Они выступили с докладами и представили выставку, посвященную российским научным исследованиям в Тихом океане в течение предыдущих 200 лет [Rehbock, 1988]. Такое широкое представительство советских ученых на этом съезде показывало важность тихоокеанского региона для внешней политики СССР.

Президент РГО Ю. М. Шокальский был приглашен на проходивший 1–11 июня 1927 г. Второй съезд славянских географов и этнографов в Варшаве, где сделал пять докладов о достижениях советской науки⁴¹. Мероприятие было организовано Польским географическим обществом, созданным в 1918 г. [Jackowski, 2014, р. 1, 5].

Как правило, научные общества были в тесном контакте с себе подобными зарубежными организациями. В 1926 г. РМО было приглашено на празднование 50-ле-

³⁶ Там же. Л. 92 об.

³⁷ Там же.

³⁸ Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР (СЗ СССР). 1927. № 24. Ст. 265.

³⁹ Там же. 1927. № 70. Ст. 687.

⁴⁰ Там же. 1929. № 15. Ст. 125.

⁴¹ ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 3. Д. 3. Л. 33.

тия Минералогического общества Великобритании и Ирландии⁴². Важным событием в 1928 г. стало празднование 100-летия Берлинского географического общества, на котором РГО представлял Ю. М. Шокальский⁴³.

К сожалению, не все ученые получали разрешение на заграничную командировку. В 1928 г. Ленинградское физико-математическое общество участвовало в Международном конгрессе математиков в Болонье⁴⁴. Конгресс проходил под покровительством короля Италии Виктора Эммануила и при почетном президентстве главы правительства Бенито Муссолини [Tonelli, 1929, p. 201]. Президент и несколько членов Ленинградского физико-математического общества выступили с докладами, причем они дополнительно выступили еще и от имени тех членов общества, которые не смогли приехать⁴⁵.

Участие советских ученых в международных научных конгрессах, несомненно, имело большое политическое и идеологическое значение; особенно это касалось представителей гуманитарных наук. Двенадцать советских ученых принимали участие в 6-м Международном конгрессе историков в Осло 14–18 августа 1928 г. [Barber, 1981, p. 34] Представителями Ленинградского общества исследователей финно-угорских народов на съезде были его секретарь, профессор Ленинградского филиала Коммунистического университета западных народов И. Я. Депман и член-сотрудник общества А. М. Линеvский⁴⁶. Последний сделал на английском языке доклад о петроглифах, открытых им в Карелии. Всего на конгрессе было 100 ученых из 29 стран. Однако мероприятие не обошлось без идеологических столкновений между советскими историками и русскими эмигрантами во главе с историком античности М. И. Ростовцевым (1870–1952), причем этот конфликт широко освещался норвежскими газетами [Reinche-Bloch, 1929].

Международные контакты научных обществ в конце 1920-х

Наряду с книжным обменом и зарубежными поездками важную роль в международной деятельности научных обществ играло членство в них зарубежных ученых. Например, в 1923 г. в РМО состояли 124 иностранных члена (44 почетных и 80 действительных)⁴⁷. Следует отметить, что их число на протяжении 1920-х гг. постепенно росло. Так, если в 1922 г. в РЭО был 61 зарубежный ученый (12 почетных и 49 действительных членов)⁴⁸, то к началу 1930 г. их было 83 (10 почетных и 73 действительных)⁴⁹. Такая же ситуация была и в РГО: в 1926 г. было 8 иностранных

⁴² Там же. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 999. Л. 22.

⁴³ Там же. Ф. 2556. Оп. 3. Д. 51. Л. 29 об.

⁴⁴ Там же. Д. 60. Л. 10.

⁴⁵ Там же. Л. 11.

⁴⁶ Там же. Д. 29. Л. 12.

⁴⁷ Там же. Ф. 2555. Д. 630. Л. 43.

⁴⁸ Там же. Д. 595. Л. 131 об.

⁴⁹ Там же. Ф. 2556. Оп. 3. Д. 93. Л. 175.

почетных членов, в 1927 г. 13 иностранных ученых, а в начале 1930 г. уже более 30 иностранных членов (15 полноправных и 15 почетных членов)⁵⁰.

В 1926 г. 15 выдающихся европейских ученых в области астрономии и геодезии состояли в Российском астрономическом обществе⁵¹. В то же время более трети членов РМО были иностранцами (127 человек из 326 — 80 действительных и 47 почетных)⁵². В состав Ленинградского микробиологического общества также входили иностранцы; в основном почетные члены были из Делфта, Парижа, Нью-Джерси, Харбина, Александрии, Токио, Берлина, Франкфурта, Вены, Лондона, Брюсселя, Нью-Йорка, Рима, Лидса и других университетских городов⁵³.

Кроме того, зарубежные ученые выступали с докладами на собраниях научных обществ. Например, выдающийся французский врач и биолог, профессор Антуан Лакассан (1884–1971) принял участие в собрании Ленинградского общества рентгенологов и радиологов 10 июня 1926 г. Он выступил с речью о результатах лечения пациентов в Радиевом институте в Париже⁵⁴. Лакассан был первым, кто использовал радиоавтографию с радиоактивным веществом природного происхождения, и был пионером в области индукции рака с использованием радиации и химических веществ [Hollaender, 1972].

В 1926 г. библиотека и музей Общества древней литературы и искусства, которые были «открыты для научных исследований членов общества, профессоров и других ученых, а также для молодых ученых», привлекали, в том числе, и иностранных ученых, в частности, Люсьена Теньера (1893–1954), профессора Страсбургского университета и специалиста по славянским языкам⁵⁵. РГО также посетили зарубежные ученые. Например, в 1927 г. было несколько иностранных гостей, в основном из Франции и Германии⁵⁶.

Известный французский физик профессор Поль Ланжевен (1872–1946) также выступил с речью о своей последней работе на заседании Русского физико-химического общества 30 мая 1928 г. Он представил свое изобретение устройства для передачи звука под водой для обнаружения подводных лодок [О пребывании французского физика П. Ланжевена в СССР, 1974, с. 377].

Однако, несмотря на успешные международные контакты во второй половине 1920-х гг., научным обществам иногда приходилось выступать и в качестве защитников авторских прав своих членов за рубежом. Диссертация члена Русского физико-математического общества М. И. Акимова (1922) была переведена на французский язык В. П. Жеховским и представлена им в Парижский университет в 1928 г. в качестве собственной работы. С помощью Физико-математического общества удалось заставить его распространить в математических изданиях письмо о «восстановлении приоритета М. И. Акимова»⁵⁷.

⁵⁰ Там же. Ф. 2556. Оп. 3. Д. 3. Л. 23.; Д. 93. Л. 246–247.

⁵¹ Там же. Ф. 2555. Д. 1091. Л. 28.

⁵² Там же. Л. 26.

⁵³ Там же. Л. 68 об.

⁵⁴ Там же. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 1122. Л. 1.

⁵⁵ Там же. Д. 1109. Л. 8.

⁵⁶ Там же. Ф. 2556. Оп. 3. Д. 3. Л. 33.

⁵⁷ Там же. Д. 60. Л. 11.

На рубеже 1920–1930-х гг. в Советской России проходила масштабная реорганизация науки, в том числе всей системы научных обществ, что повлияло и на развитие их международной деятельности. Важным изменениям в эти годы подверглась внешняя политика страны: главным приоритетом было признано обеспечение безопасности в быстроменяющейся враждебной международной обстановке. В условиях роста политического национализма в СССР, «чисток» и политического террора любые связи с иностранцами и учреждениями за границей могли быть опасными. Все это привело к снижению роли научной дипломатии во внешней политике страны и сворачиванию международной деятельности научных обществ.

Заключение

В течение 1920-х гг. Советская Россия прошла путь от международной изоляции к установлению и развитию постоянных дипломатических отношений с другими государствами. Международная деятельность научных обществ развивалась в различных формах, включая обмен изданиями, членство иностранных ученых в научных обществах, участие советских ученых в международных конференциях, конгрессах и юбилейных торжествах, а также посещение ими музеев, архивов и библиотек за границей. Это было обеспечено широкими контактами, установленными до Первой мировой войны.

Опыт международной деятельности научных обществ показывает, что в 1920-е гг. научная дипломатия как инструмент продвижения национальных интересов во многом способствовала достижению основных целей внешней политики СССР. При этом с некоторыми странами контакты научными обществами были установлены ранее, чем официальные дипломатические отношения. Однако в начале 1930-х гг. под влиянием политических изменений в СССР и мире страна снова оказалась в дипломатической изоляции, и международные научные контакты были приостановлены.

Источники

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 3226. Оп. 37. Д. 7.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 85. Д. 650; Оп. 113. Д. 68.

Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР (СЗ СССР). 1927. № 24. Ст. 265; 1927. № 70. Ст. 687; 1929. № 15. Ст. 125.

Собрание узаконения и распоряжения рабочего и крестьянского правительства РСФСР (СУ РСФСР). 1923. № 1. Ст. 67.

Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 2. Оп. 1-1919. Д. 12; Ф. 1. Оп. 1а. Д. 167.

Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 2555. Оп. 1. Д. 140, 178, 540, 595, 625, 630, 632, 676, 717, 719, 722, 723, 727, 796, 977, 999, 1044, 1091, 1109, 1122; Ф. 2556. Оп. 3. Д. 3, 7, 11, 29, 51, 54, 60, 92, 93.

Литература

- Агафонов Н. Т.* Русское географическое общество. 150 лет. М.: АО Прогресс, 1995. 352 с.
- Александров Д. А.* Почему советские ученые перестали печататься за рубежом: становление самодостаточности и изолированности отечественной науки, 1914–1940 // Вопросы истории естествознания и техники. 1996. № 3. С. 3–24.
- Блинов С. И.* Внешняя политика Советской России: первый год пролетарской диктатуры. М.: Мысль, 1973. 247 с.
- Ибрагимова К. А., Барабанов О. Н.* О перспективах российской научной дипломатии // Вестник РФФИ. 2018. № 1 (97). С. 54–56.
- Иоффе А. Е.* Международные связи советской науки, техники и культуры. 1917–1932. М.: Наука, 1975. 429 с.
- Исмаилов А. И., Базарбаев К. К.* История и традиции российской дипломатии // Современные наукоемкие технологии. 2012. № 6. С. 5–9.
- Колчинский Э. И.* Научные сообщества и закат негосударственной науки // Мобилизация и реорганизация российской науки и образования в годы Первой мировой войны / Под общ. ред. Э. И. Колчинского. СПб.: Нестор-История, 2018. С. 236–288.
- О пребывании французского физика П. Ланжевена в СССР // Организация советской науки в 1926–1932 гг.: Сборник документов Л.: Наука, 1974. С. 376–377.
- Панченко В. Я., Торкунов А. В.* Ученый как дипломат: наука влияет на решение международных конфликтов и проблем // Вестник РФФИ. 2018. № 1 (97). С. 8–13.
- Советская внешняя политика в ретроспективе, 1917–1991. Сб. ст. / Отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Наука, 1993. 205 с.
- Barber J.* Soviet Historians in Crisis, 1928–1932. London: Macmillan Press in association with Centre for Russian and East European Studies, University of Birmingham, 1981. 194 p.
- Carley M. J.* Silent Conflict: A Hidden History of Early Soviet-Western Relations. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2014. 478 p.
- Forman P.* Scientific Internationalism and the Weimar Physicists: The Ideology and Its Manipulation in Germany after World War I // Isis. 1973. Vol. 64. No. 2. P. 151–180.
- Hinks A. R.* Maps and Survey. Cambridge: University Press, 1944. 311 p.
- Hollaender A.* Antoine Lacassagne (1884–1971) // Radiation Research. 1972. Vol. 51. No. 1. P. 206–207.
- Jackowski A.* Polish Geographical Society (1918–2014). Warsaw: PTG, 2014. 38 p.
- Jacobson J.* When the Soviet Union Entered World Politics. Berkeley: University of California Press, 1993. 404 p.
- Jelavich B.* St. Petersburg and Moscow: Tsarist and Soviet Foreign Policy, 1814–1974. Bloomington: Indiana University Press, 1974. 480 p.
- Kennedy-Pipe C.* Russia and the World. 1917–1991. London: Arnold, 1998. 137 p.
- Kremontsov N. L.* International Science Between the World Wars: the Case of Genetics. London; New York: Routledge, 2005. 186 p.
- Obst E.* Russische Skizzen. Berlin: Kurt Vowinckel, 1925. 250 p.
- Rehbock P. F.* Organizing Pacific Science: Local and International Origins of the Pacific Science Association // Nature in Its Greatest Extent: Western Science in the Pacific / Eds. Roy MacLeod, Philip F. Rehbock. Honolulu, HI: University of Hawaii Press, 1988. P. 195–221.
- Reinche-Bloch H.* Der sechste Internationale Historikerkongress zu Oslo // Historische Zeitschrift. 1929. Vol. 139. P. 313–322.
- Report of the International Meteorological Conference of Directors and of the Meeting of the International Meteorological Committee in Utrecht, September, 1923. Utrecht: Kemink & Zoon, 1924. 54 p.
- Salzmann S. C.* Great Britain, Germany, and the Soviet Union: Rapallo and After, 1922–1934. London: Royal Historical Society; Rochester, NY: Boydell press, 2003. 250 p.

Solomon S. G. Doing Medicine Together: Germany and Russia Between the Wars. Toronto: University of Toronto Press, 2006. 416 p.

The International Geographical Congress at Cairo // *Scottish Geographical Magazine*. 1925. Vol. 41. No. 4. P. 227–230.

The International Geographical Congress at Cairo // *The Geographical Teacher*. 1925. Vol. 13. No. 2. P. 158–160.

Tonelli L. Report on the 1928 International Congress of Mathematicians // *Bulletin of the American Mathematical Society*. 1929. Vol. 35. P. 200–215.

Tumanova A. S. Learned Societies in Russia During World War I: Creating a «Home Front» // *Russia's Home Front in War and Revolution, 1914–22, Book 2: The Experience of War and Revolution* / Eds. A. Lindenmeyer, C. Read, P. Waldron. Bloomington, IN: Slavica Publishers, 2016. P. 107–135.

Ulam A. B. Expansion and Coexistence: The History of Soviet Foreign Policy, 1917–1967. New York: Praeger, 1968. 797 p.

Uldricks T. J. Russia and Europe: Diplomacy, Revolution, and Economic Development in the 1920s // *The International History Review*. 1979. Vol. 1. No. 1. P. 55–83.

Velikanova O. Popular Perceptions of Soviet Politics in the 1920s: Disenchantment of the Dreamers. New York: Palgrave Macmillan, 2013. 251 p.

International Activities of Scientific Societies in the 1920s

ELENA F. SINELNIKOVA

S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, St Petersburg Branch,
Russian Academy of Sciences,
St Petersburg, Russia;
e-mail: sinelnikova-elena@yandex.ru

After the October Revolution, the main goal of the Soviet Government's foreign policy was to overcome its diplomatic isolation, to which various tools were employed. Great importance was given to science diplomacy *avant la lettre*, most especially by emphasizing the diplomatic role of scientific societies. Based on archival sources which had previously been unexamined, the article discusses the international activities of scientific societies during the 1920s, as well as the measures taken by the Soviet Government and its authorities to encourage the restoration and development of pre-revolutionary international links of Russian scientific societies as well as the creation of new ones. This article also analyzes the main practices of Soviet scientific diplomacy, focusing on different forms of international collaboration, such as publishing exchanges, increasing the membership of foreign scientists in national societies, and foreign trips to participate in international scientific meetings and visit museums, archives and libraries. In this context, scientific societies actively tried to fulfill the geopolitical mission assigned to them by the Soviet state and worked to protect national interests at the international level in controversial subjects. However, in the early 1930s, under the influence of political changes in the USSR and the world, the country again found itself in diplomatic isolation, and international scientific contacts were suspended.

Key words: scientific societies, science and power, public organizations, the Academy of Sciences, history of Soviet foreign policy, science diplomacy, Narkompros, Narkomindel.

Acknowledgment

The research was carried out with support from the Russian Foundation of Basic Research (RFBR) according to the research grant No. 18-39-20006.

References

- Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF) [State archive of the Russian Federation], f. 3446, op. 37, d. 7.
- Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii (RGASPI) [The Russian state archive of socio-political history], f. 17, op. 85, d. 650; op. 113, d. 68.
- Sobraniye uzakoneniy i rasporyazheniy rabocheho i krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR (SU RSFSR) [A collection of legalizations and orders of the workers 'and peasants' government of the RSFSR], 1923, no. 1, st. 67.
- Sobraniye zakonov i rasporyazheniy Raboche-krest'yanskogo pravitel'stva SSSR (SZ SSSR) [A collection of laws and orders of the workers 'and peasants' government of the USSR], 1927, no. 24, st. 265; 1927, no. 70, st. 687; 1929, no. 15, st. 125.
- Sankt-Peterburgskiy filial Arkhiva Rossiyskoy akademii nauk [St. Petersburg branch of the Archive of the Russian academy of sciences], f. 2, op. 1-1919, d. 12; f. 1, op. 1a, d. 167.
- Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Sankt-Petersburga (TsGA SPb) [Central state archive of St Petersburg], f. 2555, op. 1, d. 140, 178, 540, 595, 625, 630, 632, 676, 717, 719, 722, 723, 727, 796, 977, 999, 1044, 1091, 1109, 1122; f. 2556, op. 3, d. 3, 7, 11, 29.51, 54, 60, 92, 93.
- Agafonov, N. T. (1995). *Russkoye geograficheskoye obshchestvo: 150 let* [Russian geographical society: 150 years], Moskva: RTO Progress (in Russian).
- Aleksandrov, D. A. (1996). Pochemu sovetskiye uchenyye perestali pechatat'sya za rubezhom: stanovleniye samodostatochnosti i izolirovannosti otechestvennoy nauki [Why the Soviet scientists ceased to publish abroad: Creating self-sufficiency and isolation of their science], *Voprosy istorii yestestvoznaniya i tekhniki*, no. 3, pp. 3–24 (in Russian).
- Barber, J. (1981). *Soviet Historians in Crisis, 1928–1932*. London: Macmillan Press in association with Centre for Russian and East European Studies, University of Birmingham.
- Blinov, S. I. (1973). *Vneshnyaya politika sovetskoy Rossii: pervyy god proletarskoy diktatury* [The foreign policy of Soviet Russia: the first year of the proletarian dictatorship.], Moskva: Mysl' (in Russian).
- Carley, M. J. (2014). *Silent Conflict: A Hidden History of Early Soviet-Western Relations*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield.
- Chubar'ian, A. O. (ed.) (1993). *Sovetskaya vneshnyaya politika v retrospektive, 1917–1991* [Soviet foreign policy in retrospect, 1917–1991], Moskva: Nauka (in Russian).
- Forman, P. (1973). Scientific Internationalism and the Weimar Physicists: The Ideology and Its Manioulation in Germany after World War I, *Isis*, vol. 64, no. 2, pp. 151–180.
- Hinks, A. R. (1944). *Maps and Survey*, Cambridge: University Press.
- Hollaender, A. (1972). Antoine Lacassagne (1884–1971), *Radiation Research*, vol. 51, no. 1, pp. 206–207.
- Ibragimova, K. A., Barabanov, O. N. (2018). O perspektivakh rossiyskoy nauchnoy diplomatii [About the prospects of the Russian science diplomacy], *Vestnik RFFI*, no. 1 (97), pp. 57–59 (in Russian).
- Ioffe, A. E. (1975). *Mezhdunarodnyye svyazi sovetskoy nauki, tekhniki i kul'tury. 1917–1932* [International relations of Soviet science, technology and culture. 1917–1932], Moskva, Nauka (in Russian).
- Ismaylov, A. I., Bazarbayev, K. K. (2012). Istoriya i traditsii rossiyskoy diplomatii [History and traditions of Russian diplomacy], *Sovremennyye naukoymkiye tekhnologii*, no. 6, pp. 5–9 (in Russian).

Jackowski, A. (2014). *Polish Geographical Society (1918–2014)*, Warsaw: PTG.

Jacobson, J. (1993). *When the Soviet Union Entered World Politics*, Berkeley: University of California Press.

Jelavich, B. (1974). *St. Petersburg and Moscow: Tsarist and Soviet foreign policy, 1814–1974*, Bloomington: Indiana University Press.

Kennedy-Pipe, C. (1998). *Russia and the World. 1917–1991*, London: Arnold.

Kolchinsky, E. I. (2018) Nauchnyye soobshchestva i zakat negosudarstvennoy nauki [Scientific communities and the decline of private science], in: E. I. Kolchinsky (ed.), *Mobilizatsiya i reorganizatsiya rossiyskoy nauki i obrazovaniya v gody Pervoy mirovoy voiny* [Mobilization and reorganization of Russian science and education during the First world war], S.-Peterburg: Nestor-Istoriya, pp. 236–288 (in Russian).

Kremontsov, N. L. (2005). *International Science Between the World Wars: the Case of Genetics*, London; New York: Routledge.

O prebyvanii frantsuzskogo fizika P. Lanzhevena v SSSR [On the stay of the French physicist P. Langevin in the Soviet Union] (1974), in: *Organizatsiya sovetskoy nauki v 1926–1932 gg. Sbornik dokumentov* [Organization of Soviet science in 1926–1932. Collection of documents], Leningrad: Nauka (in Russian).

Obst, E. (1925). *Russische Skizzen*. Berlin: Kurt Vowinkel (in German).

Panchenko V. Ya., Torkunov, A. V. (2018). Uchenyy kak diplomat: nauka vliyayet na resheniye mezhdunarodnykh konfliktov i problem [Scientist as a diplomat: science influences the solution to international conflicts and problems], *Vestnik RFFI*, no. 1 (97), pp. 14–17 (in Russian).

Rehbock, P. F. (1988). Organizing Pacific Science: Local and International Origins of the Pacific Science Association, in: Roy MacLeod, Philip F. Rehbock (eds.), *Nature in Its Greatest Extent: Western Science in the Pacific*, Honolulu, HI: University of Hawaii Press, pp. 195–221.

Reinche-Bloch, H. (1929). Der sechste Internationale Historikerkongress zu Oslo, *Historische Zeitschrift*, no. 139, pp. 313–322 (in German).

Report of the International Meteorological Conference of Directors and of the Meeting of the International Meteorological Committee in Utrecht, September, 1923. (1924). Utrecht: Kemink & Zoon.

Salzmann, S. C. (2003). *Great Britain, Germany, and the Soviet Union: Rapallo and After, 1922–1934*, London: Royal Historical Society; Rochester, NY: Boydell press.

Solomon, S. G. (2006). *Doing Medicine Together: Germany and Russia Between the Wars*, Toronto: University of Toronto Press.

The International Geographical Congress at Cairo, April, 1925 (1925). *The Geographical Teacher*, vol. 13, no. 2, pp. 158–160.

The International Geographical Congress at Cairo (1925). *Scottish Geographical Magazine* (1925), vol. 41, no. 4, pp. 227–230.

Tonelli, L. (1929). Report on the 1928 International Congress of Mathematicians, *Bulletin of the American Mathematical Society*, vol. 35, pp. 200–215.

Tumanova, A. S. (2016). Learned Societies in Russia During World War I: Creating a “Home Front”, in: A. Lindenmeyer, C. Read, P. Waldron (eds.), *Russia’s Home Front in War and Revolution, 1914–22, Book 2: The Experience of War and Revolution*, Bloomington, IN: Slavica Publishers, pp. 107–135.

Ulam, A. B. (1968). *Expansion and Coexistence: The History of Soviet Foreign Policy, 1917–1967*, New York: Praeger.

Uldricks, T. J. (1979). Russia and Europe: Diplomacy, Revolution, and Economic Development in the 1920s, *The International History Review*, vol. 1, no. 1, pp. 55–83.

Velikanova, O. (2013). *Popular Perceptions of Soviet Politics in the 1920s: Disenchantment of the Dreamers*, New York: Palgrave Macmillan.